

Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона)

М. В. Куцаева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия, marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры. Материалами послужили анкетные данные, полученные в ходе проведения социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона. Знание традиций и обычаев является одним из ключевых маркеров этнической идентичности респондентов, однако слабая межпоколенческая передача языка в семье приводит к его исчезновению во втором поколении диаспоры и как следствие – к постепенной утрате этнической культуры и этнической идентичности представителями второго поколения внутренней диаспоры.

Ключевые слова: этническая культура, этнический язык, этническая идентичность, чувашский язык, марийский язык, социолингвистическое обследование, внутренняя диаспора, московский регион

Для цитирования: Куцаева М. В. Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 158–165. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_158

Original article

The Problem of Ethnocultural Preservation in the Internal Diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas)

Marina V. Kutsaeva

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract. The article deals with the problem of preserving ethnic cultures in the conditions of internal diaspora. The material is based on the questionnaire data obtained in two sociolinguistic surveys in the Chuvash and Mari diasporas of the Moscow region. Knowledge concerning ethnic traditions and customs is one of the key markers of respondents' ethnic identity; however, weak intergenerational language transmission leads to its disappearance in the second generation of the diaspora and, as a consequence, results in a gradual loss of ethnic cultures and ethnic identities of second-generation representatives in the internal diaspora.

Keywords: ethnic culture, ethnic language, ethnic identity, Chuvash language, Mari language, sociolinguistic survey, internal diaspora, Moscow region

For citation: Kutsaeva, M. V. (2023). The problem of ethnocultural preservation in internal diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 158–165. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_158

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 году в Российской Федерации проводится Год культурного наследия народов России. Термин «культурное наследие», ранее обозначавший произведения архитектуры, живописи, достопримечательные места и др.,¹ за последние десятилетия вследствие разработки инструментария ЮНЕСКО значительно расширен и включает обряды, празднества и обычаи, знания о природе и Вселенной, навыки, связанные с традиционными ремеслами, исполнительские искусства, передаваемые от поколения к поколению, а также устные традиции и формы выражения, в том числе и язык, – всё то, что составляет суть «нематериального культурного наследия», позволяет сообществу сохранить чувство самобытности и преемственности, содействует культурному разнообразию².

Вопрос сохранения этнической культуры и ее разнообразных форм становится все более тревожным ввиду ускоряющихся общемировых процессов глобализации и урбанизации.

Целью настоящей работы является изучение проблемы сохранности традиционных этнических культур в условиях внутренних миграций и формирования диаспорных групп в поликультурном и полилингвальном пространстве мегаполиса.

В 2014–2017 годы и 2019–2021 годы автором статьи были проведены социолингвистические обследования в чувашской и марийской диаспорах московского региона соответственно. Чуваши (1 435 872 чел.) и марийцы (547 605 чел.), коренные народы Среднего Поволжья, в настоящее время в силу исторических причин проживают не только в соответствующих территориально-административных образованиях (Чувашская Республика, Республика Марий Эл), но и за их пределами (43,3 % всех чувашей и 46,9 % марийцев)³ как компактными, так и дисперсными группами, образуя так называемую *внутреннюю диаспору* [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 57]. В московском регионе (г. Москва и Московская область) проживают 26 779 чувашей и 4655 марийцев⁴. В исследовании приняли участие 100 членов чувашской диа-

споры и 106 – марийской; обе выборки являются репрезентативными, они охватили представителей первого и второго поколений как чувашской, так и марийской диаспоры. В ходе обследований использовался комплекс социолингвистических методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных; выборка формировалась путем snowball chain sampling и opportunity sampling и включила как мужчин, так и женщин самых разных возрастных когорт и различных социальных слоев (подробнее о методологии обследования см. [Kutsaeva, 2021, с. 87–92]).

Цель работы заключалась в описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Один из блоков анкеты содержал вопросы этнокультурного характера (соблюдение респондентами традиций, обрядов, обычаев вдали от малой родины, передача знаний об этнической культуре следующему поколению). Полученные нами результаты позволяют рассмотреть вопрос бытования языка в культуре (*language-in-culture*) [Fishman, 1991, с. 17] и проблему сохранности и преемственности культуры (бытование культуры через язык).

Участники обоих обследований идентифицировали себя в качестве этнических чувашей и мари соответственно. Этническая идентичность, в качестве разновидности социальной идентичности, включает в себя некоторый набор самоидентификаций и связанных с ними самоописаний, основанных на уникальных культурных и социальных особенностях, которые, по мнению членов этнической группы, отличают их от представителей других контактируемых этнических групп [Винер, 1998, с. 17]. Эти компоненты, безусловно, не являются аморфными или случайными, однако лишь часть из них представляются *центральными* культурными ценностями, формирующими сердцевину культуры, действующими в качестве необходимых унифицирующих символических ценностей, с утратой которых исчезает способность группы поддерживать аутентичность и креативность, что приводит в конечном счете к ее ассимиляции [Смолич, 2012, с. 403–404]. Среди основных критериев принадлежности к этнической группе в чувашской выборке фигурировали «малая родина, предки, корни» (28 %), особенности менталитета (28 %), «чувашский язык» (24 %), «чувашская культура: традиции и обычаи» (13 %). В марийской выборке ключевыми являются следующие маркеры: «малая родина, предки, корни» (30 %), «марийский язык» (26 %), «характер, внешность, мировоззрение» (23 %), «марийская культура: традиции и обычаи» (15 %).

¹ Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Art. 1. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (дата обращения: 05.11.2022).

² The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Art. 2. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (дата обращения: 05.11.2022).

³ Всероссийская перепись населения. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

⁴ Всероссийская перепись населения. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

Те или иные аспекты культуры приобретают особое значение в условиях проживания группы вне традиционного места ее расселения, а также оказываемого на группу внешнего давления. Именно в таких обстоятельствах некоторые компоненты культуры становятся основными ценностями, сплачивающими членов этнической группы [Смолич, 2012, с. 404–405]. Используя наши полевые материалы, рассмотрим характер взаимодействия таких компонентов, как «язык» и «культура» и определим, насколько данные культурные ценности являются центральными для изучаемых нами этнических групп.

СОХРАННОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ДИАСПОРЫ

Социальные практики, ритуалы и праздничные мероприятия, тесно связанные с важными событиями в истории группы или сообщества, структурируют и формируют повседневную жизнь, объединяют членов группы или сообщества, укрепляют чувство идентичности, преемственности с прошлым, отражают мировоззрение сообщества и восприятие им собственной истории и памяти, включают в себя самые разнообразные составляющие: обряды перехода, традиционные игры, родственные связи и церемонии родства, кулинарные традиции, практики охоты, рыбной ловли и собирательства, а также песни и танцы, костюмы, жертвоприношения, особую пищу и др. Бытование социальных практик и ритуалов во многом зависит от участия в них членов сообщества. Миграции, индивидуализация, формальное образование, экспансия мировых религий и пр. оказывают существенное влияние на сохранность данных практик.¹

Более половины опрошенных в первом поколении в обеих выборках (55 % чувашей, 60 % марийцев) заявили о том, что соблюдают традиции и обычаи народно-праздничной культуры. Некоторые праздники, такие как чувашский *Симёк* и марийский *Семык* (летнее поминовение усопших) требуют присутствия респондентов на малой родине, обязательного посещения ими кладбищ, укрепляют чувство единения опрошенных с предками, малой родиной и народными традициями. Другие праздники, например, чувашский *Акатуй* (окончание весенних полевых работ) или марийский *Пеледыш пайрем* (праздник советского времени, соединивший в себе элементы *Агавайрема*,

Семыка, *Сўрема*) широко отмечаются землячествами чувашей и марийцев в Москве. Часть праздников, ввиду значительной христианизации народов России, утрачивают свою самобытность, переплетаясь с церковными праздниками, однако в некоторых случаях традиционная обрядность все же сохраняется: в марийском *Кугече* (Пасха) и *Шорыкйол* (Рождество), а у чувашей – в *Ѕаварни* (Масленица), *Сурхури* (Рождество). В рамках дней национальной автономии чувашей в Москве традиционно проводится *Кёр Сăри* (праздник осеннего урожая, праздник пива) (см. подробнее о современной празднично-обрядовой культуре чувашей [Ягафова, 2017], марийцев [Калинина, 2013]).

Значительное место в поддержании этнической культуры отводится соблюдению кулинарных традиций, приготовлению как повседневных блюд (вроде чувашских вареников с начинкой *хуран ку-кли*, марийских пирожков-вареников с начинкой *подкогыльо* и ватрушек с начинкой *перемеч*), а также праздничных – таких, как чувашский закрытый пирог с начинкой *хуплу*, суп из баранины *шўрпе* или марийские трехслойные блины *коман мелна*. Некоторые простые в исполнении блюда респонденты готовят вместе с гостями, как это когда-то бывало в их собственной семье в деревне, большой и дружной компанией. Основная трудность в сохранении кулинарных традиций в городских условиях состоит в том, что приготовление некоторых блюд требует наличия печи (в этом отношении некоторые респонденты предпочитают не готовить традиционные блюда вовсе, поскольку считают, что пища, приготовленная в духовке – это «бездуховная пища»). Кроме того, проблема связана с утратой семейных рецептов, например, рецептуры приготовления пива в чувашской выборке. Более сложные традиционные блюда (такие, как чувашская колбаса *шăрттан* (домашнего или промышленного изготовления) респонденты нередко привозят с малой родины. В выборках готовят преимущественно женщины, однако необходимо отметить, что в некоторых случаях заботу о сохранении этнических традиций берут на себя и мужчины (они же заметно чаще женщин предпринимают усилия по восстановлению утраченных кулинарных рецептов) (подробнее см., например: [Куцаева 2020, с. 187–196; Куцаева, 2021, с. 11].

Важную роль в поддержании чувства родства, сопричастности, единения играет традиционная музыкальная культура: 70,5 % чувашей и 96 % марийцев в выборке слушают или поют песни, в том числе и на этническом языке. Песни на «своем» языке (как старинные, так и современные) помогают опрошенным преодолеть ностальгию,

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

поднимают настроение, приносят радость и успокоение. Песни на чувашском или марийском звучат дома, их закачивают в смартфон, включают в машине. На гастроли в Москву приезжают творческие коллективы из Чувашии и Марий Эл; некоторое время назад функционировал ансамбль марийской песни, объединивший молодых, творчески и активно настроенных выходцев из Республики Марий Эл. Также по инициативе отдельных представителей диаспоры регулярно проводятся этнические дискотеки с приглашением звезд чувашской и марийской эстрады; посещение таких мероприятий способствует завязыванию знакомств, нередко случаи последующего заключения этнических браков (подробнее см. [Куцаева, 2020, с. 139–143]).

Частью нематериального культурного наследия являются знания, в том числе относящиеся к природе и Вселенной и лежащие в основе социальных практик и культурных традиций. Эти особые знания включают в себя традиционную экологическую мудрость и знания коренных народов, обряды исцеления, ритуалы, верования и др. и выражаются через язык, устные традиции, чувство привязанности к месту, воспоминания, духовное мировоззрение. Вследствие урбанизации, однако, данный тип знаний, стремительно исчезает¹. В чувашской выборке одной из таких исконных, однако, постепенно уходящих, по мнению опрошенных, традиций является *нине* (традиция взаимопомощи и взаимовыручки, согласно которой община собирается всем миром, чтобы оказать безвозмездную коллективную помощь одному из своих членов в хозяйственных или строительных работах) [об этом см. [Куцаева, 2020, с. 193–194]. В марийской выборке опрошенные, многие из которых являются приверженцами марийской традиционной религии или *двоевериями* (приняли христианство, не отказавшись, однако, от соблюдения марийских верований и обрядов), отметили особое отношение к природе и определили его как часть своего мировоззрения. Так, московские марийцы с трепетом и уважением относятся к лесу и воде: подходя к лесу, обращаются с поклоном к *Чодыра Кугыза*, духу леса, отправляясь на рыбалку, – к Богине воды *Вуд Ава*. С 2015 года благодаря инициативе марийских *картов* (жрецов марийской традиционной религии) в московском регионе проводятся коллективные моления на природе.

В первом поколении этнические традиции соблюдают в меньшей степени (или не соблюдают

вовсе) респонденты, состоящие в этнически смешанном браке или выходцы из городской среды, а также очень пожилые респонденты, давно покинувшие малую родину, или, напротив, некоторые представители младших когорт, которые лишь недавно обосновались в Москве и пока еще, по их словам, «не слишком соскучились» по малой родине.

Более половины опрошенных первого поколения в чувашской выборке и подавляющее большинство в марийской демонстрируют желание передать следующему поколению знания об этнической культуре: познакомить с традициями и обычаями, песнями и танцами, мифами и сказками своего народа, научить приготовлению некоторых кулинарных блюд, привить определенные нравственные качества и ценностные установки. Однако, согласно полученным данным, представители второго поколения диаспоры в целом сохраняют преимущественно остаточные знания о традиционной культуре: иногда готовят, но в основном скорее помнят названия некоторых кулинарных блюд, которые готовились в их семье, а также названия праздников, которые им довелось посетить со старшими родственниками, или песни, которые пела им бабушка (об этом см. [Куцаева, 2020, с. 195–196; Куцаева, 2021, с. 18]).

Одна из основных причин угасания этнической культуры во втором поколении, несмотря на желание и усилия представителей первого поколения научить детей «петь и танцевать по-марийски или по-чувашски», заключается в слабой межпоколенческой передаче этнического языка (об этом см., в частности, [Куцаева, 2021, с. 18]). Доминирующие в сообществах языковые идеологии препятствуют полноценной передаче чувашского или марийского языка детям.

Значительную трудность в ходе проведения обследования составил поиск респондентов именно второго поколения, поскольку, как выяснилось, этнический язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности в обеих диаспорах: с его полной утратой, к примеру, в марийской диаспоре, индивид считается «русским марийцем», «русским сыном марийской женщины», границы этнической группы постепенно размываются. Многочисленные case-studies по всему миру свидетельствуют о том, что исторически ассоциируемый с сообществом язык является важным ресурсом на уровне социальной интеграции и идентификации, способствует индивидуальному и коллективному самоопределению и самореализации, соотносится с определенной культурной идентичностью [Fishman, 1991, с. 7–9].

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

ЯЗЫК-В-КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРА- ЧЕРЕЗ-ЯЗЫК: О ВОЗРОЖДЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСРЕДСТВОМ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В данном разделе будет рассмотрена, с одной стороны, взаимосвязь языка и культуры (*язык-в-культуре*, по Дж. Фишману), с другой, – возможность возрождения и поддержания этнической культуры (и этнокультурной идентичности) путем ревитализации этнического языка.

Язык и этнокультура, согласно Дж. Фишману, связаны тремя основными способами: индексно, символично и в соотношении часть / целое. Во-первых, язык, который традиционно ассоциируется с определенной этнокультурой, наилучшим образом (при условии, что эта связь не нарушена и не прервана) приспособлен к формированию и выражению интересов, ценностей и мировоззрений данной этнокультуры, поскольку они «выросли вместе», а значит, со-настроены друг на друга. Во-вторых, язык и культура являются олицетворением друг друга в сознании как членов группы, так и внешних по отношению к этому сообществу людей. В-третьих, между ними существует парциальная идентичность, т. е. элементы каждой культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура ассоциируется самым тесным образом. Значительная часть любой культуры в первую очередь выражается вербально: в песнях и молитвах, заповедях и пословицах, сказках и формулах приветствия, проклятиях и благословениях, философии, истории и т. д., таким образом, язык охватывает практически всю нематериальную культуру [Fishman, 1991, с. 20–24], более того, язык составляет саму основу нематериального наследия и является средством его передачи¹ (об этом также см. [Краева, Агранат, Германова, 2022]).

Сохранение этнокультурной идентичности в чистом и неизменном состоянии представляется утопией: со временем любая этнокультура претерпевает неизбежные изменения (при этом язык и культура могут изменяться с разной скоростью, а язык хранить следы давно ушедших реалий культуры). Однако прекращение межпоколенческой передачи языка (например, в условиях диаспоры) и последующий языковой сдвиг со всей вероятностью приводят к несоблюдению существующих «живых» традиций, к росту межэтнических браков, к появлению новых обычаев, в целом – вызывают глубокие изменения в этнокультуре; тогда

как при сохранении этнического языка процессы таких изменений, как правило, можно внутренне регулировать, отслеживать и оценивать, что обеспечит культурную преемственность. Большинство культур строятся по принципу домино: когда один из основных элементов, таких как язык, утрачен, большая часть других элементов в итоге серьезно ослаблены и, вероятнее всего, будут изменены и в конечном итоге также утрачены. Исходя из той предпосылки, что сфера культуры (наряду со сферой образования, массовых коммуникаций, здравоохранения) является скорее конструктом, а не «готовым продуктом», она подлежит формированию, влиянию и планированию, ей можно задать определенное направление развития – в частности, восстановить ослабленные связи между языком и культурой. И в этом смысле движение по обращению вспять языкового сдвига (RLS – Reversing Language Shift), провозглашенное Дж. Фишманом и его единомышленниками, усилия по поддержанию языка никогда не были направлены исключительно на язык как таковой, они были нацелены на *язык-в-культуре*, на усиление межпоколенческой передачи материнского языка в качестве культурного права и социального ресурса [Fishman, 1991, с. 7–17].

Ревитализация языка часто выступает первым шагом на пути к ревитализации культуры и возрождению культурных традиций. Начать говорить на языке предков означает восстановить связи с прошлым, с лингвистическим и культурным наследием предков, особенно если живы еще старшие родственники, с которыми данный язык можно использовать. Возрождение утраченного языка будет полезно и старшему, и младшему поколению – оно позволит приблизиться к пониманию своего культурного наследия и предопределить будущее культуры [Grenoble, 2021, с. 12]. Передача знаний об этнокультуре фактически прерывается с прекращением коммуникации на этническом языке, особенно в ситуации, когда старшее поколение владеет только или преимущественно этническим языком, а внуки перешли на «большой» язык (о таком печальном опыте в чувашской диаспоре мы рассказывали в одной из наших работ, посвященных последствиям непередачи чувашского языка от поколения к поколению в одной конкретной семье).

Когда старшее поколение ушло, восстановить прерванные культурные связи значительно сложнее, однако культурное наследие продолжает жить в молитвах, мифах и песнях. Одной из мотиваций к ревитализации языка являются духовные поиски. Сакральный язык является важной составляющей частью многих культур, общение с духами и богами осуществляется, главным образом,

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

вербально, и даже в тех регионах, где распространилась новая религия, она не заменила собой полностью прежние народные верования. Не владея этническим языком, трудно до конца постичь тесную связь между духовностью и культурой, поскольку эти связи часто выражаются и поддерживаются посредством языка: к богам или духам обращаются, используя определенные речевые обороты – особый сакральный язык, особые слова или попросту язык предков. Для многих коренных народов природа, духовность и язык глубоко переплетены [Grenoble, 2021, с. 12–13].

В марийской выборке некоторые респонденты, фактически лишенные с детства контакта с этническим языком (будучи уроженцами городской среды или проживая долгое время в иноэтнической среде вследствие частых в советское время трудовых миграций), восстанавливают связь с языком, культурой мари и собственную идентичность именно через участие в марийских молениях *кумалтыш*, которые проводятся также и в Москве. Духовные поиски респондентов во многом отвечают вызовам времени. Так, в отличие от мировоззренческой парадигмы антропоцентризма, основы марийской духовной практики заключаются в природосообразности и экоцентризме: марийская традиционная религия зиждется на древнем миропредставлении о единстве человека и окружающей среды; краеугольными камнями марийской веры являются обожествление природы и ее стихий, почитание предков наряду с другими куклами. Священная роща *кўсото* – ось сакрального марийского мира, основной линией которого является постоянное общение с *Кузу Юмо* (Творцом) и его ипостасями. Марийские молитвы *кумалтышмут*, состоящие из отдельных, однако связанных общим содержанием стихов, фактически представляют собой поэтические произведения. Наконец, моления в *кўсото* – это демонстрация сплоченности общины, кооптации новых членов и противопоставленности общины остальному миру [Шкалина, 2019, с. 152–184]. Респонденты в марийской выборке, принявшие участие в молениях, сообщали о том, что с пробуждением духовности оживал их интерес к марийской культуре в целом и к марийскому языку – в частности, как к особому проводнику в сакральный мир мари.

Действующие в культурном пространстве Москвы проекты, по словам их организаторов, нацелены на поддержание этнической культуры марийцев в Москве, однако без должной лингвистической компоненты эти проекты, по нашим наблюдениям, обречены на статус туристических *представлений* (включая тематические

выступления на различных площадках Москвы в рамках грантовых программ). Подобная деятельность больше походит на демонстрацию музифицированных предметов музейной экспозиции. Известно, что ослабленные и находящиеся на грани исчезновения языки соотносятся с культурами, которые уже не регулируют в значительной степени повседневную жизнь членов своих сообществ [Fishman, 1991, с. 8]. Для придания такой «музейной» культуре жизненной силы, безусловно, в первую очередь требуются усилия по ревитализации языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона, сохранение этнического языка способствует поддержанию живой, а не музейной культурной традиции. С прекращением межпоколенческой передачи языка в условиях диаспорного проживания группы и переходом на «большой», доминирующий язык неизбежно, с течением времени наступает период культурной ассимиляции, который в конечном итоге приводит к утрате этнической идентичности и размыванию границ этнической группы, поскольку язык и культура выступают, согласно мнению опрошенных, ключевыми маркерами идентичности в выборке.

Схема восстановления утраченной этнической идентичности проходит в обратном порядке – путем реактуализации этнической культуры, которая для своего полноценного функционирования нуждается в этническом языке. Возрождение культуры (в смысле бытования живой культурной традиции), как правило, начинается с возрождения языка, и далее ревитализация языка и возрождение культуры осуществляются параллельно, фактически рука об руку. Воссоединение с прошлым, возможно, и не представляется в достаточной степени мотивационным для младшего поколения, однако понимание истории и наследия является существенной частью становления или же восстановления идентичности [Grenoble, 2021, с. 13].

Таким образом, этнический язык, этническая идентичность и этническая культура (в виде моделей поведения, верований, артефактов) полностью переплетены [Language loyalty, continuity and change, 2006, с. 29]. Функционирование этнического языка и этнической культуры обусловлено: язык так же нуждается в культуре, как и культура в языке, а значит, сохранение культурных традиций в диаспоре напрямую зависит от сохранности этнического языка.

Сохранение этнокультур в качестве нематериального культурного наследия является важным фактором сохранения культурного разнообразия: осознание и принятие этого разнообразия

способствует укреплению межкультурного диалога и воспитанию уважения к другим культурам¹.

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.
2. Kutsaeva M. V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region // *Strategies for Knowledge Elicitation* / T. B. Agranat, L. R. Dodykhudoeva (eds.). Cham: Springer Nature, 2021. P. 85–99.
3. Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon: Multilingual Matters 76, 1991.
4. Виноер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // *Этнографическое обозрение*, 1998. №4. С. 3–26.
5. Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия* [пер. с англ.] / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2012. С. 402–432.
6. Ягафова Е. А. Современная празднично-обрядовая культура // *Чуваши* / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Чувашский государственный институт гуманитарных наук. М.: Наука, 2017. С. 470–499.
7. Калинина О. А. Народные праздники // *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. С. 264–286.
8. Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М., СПб.: Нестор-история, 2020.
9. Куцаева М. В. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // *Этническая культура*. 2021а. Т. 3. № 4. С. 6–21.
10. Краева И. А., Агранат Т. Б., Германова Н. Н. Языки Российской Федерации как нематериальное культурное наследие // *Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России*. М.: Институт Наследия, 2022. С. 71–78.
11. Grenoble L. A. Why Revitalize? // *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide* / J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge University Press, 2021. P. 9–22.
12. Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола, 2019.
13. *Language Loyalty, Continuity and Change* / O. García et al. Joshua A. Fishman's Contributions to International Sociolinguistics. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters LTD, 2006.

REFERENCES

1. Mihal'chenko, V. Ju. (ed.). (2006). *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* = Dictionary of Sociolinguistic terms. Moscow: Institut jazykoznanija. (In Russ.).
2. Kutsaeva, M. V. (2021). A sociolinguistic survey of an internal diaspora: Field research of a Chuvash diaspora group in the Moscow Region. In Agranat, T. B., Dodykhudoeva, L. R. (eds.), *Strategies for Knowledge Elicitation* (pp. 85–99). Cham: Springer Nature.
3. Fishman, J. A. (1991). *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon: Multilingual Matters 76.
4. Wiener, B. E. (1998). *Jetnichnost': v poiskah paradigmy izuchenija* = Ethnicity: in the search of paradigm. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 4, 3–26. (In Russ.)
5. Smolicz, J. (2012). *Jazyki men'shinstv kak central'nye cennosti jetnicheskikh kul'tur* = Minority languages as core values of ethnic cultures. In Bakhtin, N. B. (ed.), *Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija* (pp. 402–432). St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russ.)
6. Yagafova, E. A. (2017). *Sovremennaja prazdnichno-obrjadovaja kul'tura* = Contemporary holiday-ritual culture. In Ivanov, V. P., Korosteleev, A. D., Yagafova, E. A. (eds.), *Chuvashi* (pp. 470–499). The Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Chuvash State Institute of Humanities. Moscow: Nauka. (In Russ.)

7. Kalinina, O. A. (2013). Narodnye prazdniki = Folk holidays. In Marijcy. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (pp. 264–286). Yoshkar-Ola. (In Russ.)
8. Kutsaeva, M. V. (2020). Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region. Moscow, St. Petersburg: Nestor-istorija. (In Russ.)
9. Kutsaeva, M. V. (2021a). Moskovskie marijcy: jetnicheskaja kul'tura v uslovijah vnutrennej diasporы = Moscow Maris: ethnic culture in the conditions of internal diaspora. Jetnicheskaja kul'tura, 3(4), 6–21. (In Russ.)
10. Kraeva, I. A., Agranat, T. B., Germanova, N. N. (2022). Jazyki Rossijskoj Federacii kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie = Languages of the Russian Federation as intangible cultural heritage. In Jenciklopedija nematerial'nogo kul'turnogo nasledija Rossii (pp. 71–78). Dedicated to the Year of Cultural heritage of the peoples of Russia. Moscow: Institute of Heritage. (In Russ.)
11. Grenoble, L. A. (2021). Why Revitalize? In Olko, J., Sallabank, J. (eds.). Revitalizing Endangered Languages: A practical guide (pp. 9–22). Cambridge University Press.
12. Shkalina, G. Ye. (2019). Svjashhenyj mir marijskij = Sacred Mari world. Yoshkar-Ola. (In Russ.)
13. García, O., et al. (2006). Language Loyalty, Continuity and Change. Joshua A. Fishman's Contributions to International Sociolinguistics. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters LTD.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куцаева Марина Васильевна

кандидат филологических наук

научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kutsaeva Marina Vasilevna

PhD (Philology)

Research fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication